

Вопросы археологии и истории Южной Сибири

Барнаул 1999

ББК 63.4(2)

Ответственный редактор: М.А. Демин, доктор исторических наук

Рецензенты:

Кафедра всеобщей истории Барнаульского государственного педагогического университета,

Шамшин А.Б. — к.и.н., доцент кафедры археологии, этнографии и источниковедения Алтайского государственного университета

Вопросы археологии и истории Южной Сибири / Сборник статей к 75-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора А.П. Уманского. Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 1999. — 292 с., илл.

Сборник включает статьи московских, Санкт-Петербургских и сибирских авторов по археологии эпохи бронзы и железа и истории Алтая и Южной Сибири преимущественно до начала XX в. Эта тематика находилась в центре научных интересов видного современного исследователя Сибири Алексея Павловича Уманского, в честь 75-летия со дня рождения которого подготовлено настоящее издание.

В публикациях поднимаются актуальные проблемы древней, средневековой и новой истории Сибири. Многие материалы вводятся в научный оборот впервые. Сборник рассчитан на специалистов в области археологии, этнографии и истории Сибири, преподавателей и студентов вузов, краеведов.

ISBN 5-88210-114-x

© Лаборатория исторического краеведения

© Издательство БГПУ, 1999

Алексей Павлович Уманский

Уманский А.П., Шульга П.И. Два погребения с восточными зеркалами из Алтайского края // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999. – С. 56–94.

Барнаульский государственный педагогический университет
Лаборатория археологии Южной Сибири ИА и Эт.
СО РАН и НИИ Гуманитарных исследований при АГУ

ДВА ПОГРЕБЕНИЯ С ВОСТОЧНЫМИ ЗЕРКАЛАМИ ИЗ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Публикация найденного в 1985 г. рогозихинского зеркала [Уманский, 1992] вновь пробудила интерес к «восточным» зеркалам-пигремушкам (см.: Кузнецова, 1994, 1995; Могильников, Уманский, 1995; Марсадолов, 1996, с. 72; Могильников, 1997, с. 83; Ширин, 1997). Находка четвёртого зеркала на юге Алтайского края в могильнике Локоть-4 [Ситников, Шульга, 1995] послужила новым импульсом к исследованию феномена появления на северной периферии кочевого мира замечательных зеркал восточного происхождения [Шульга, 1997а]. Настоящая работа вводит в оборот ранее недоступные исследователям материалы по погребальному обряду и датировке захоронений с зеркалами. В ней также даётся уточнённая прорисовка рогозихинского зеркала и впервые публикуется локтевское зеркало¹.

Курганный могильник Рогозиха-1 находится в 3 км к СЗ от с. Рогозиха Павловского района Алтайского края, в 60 км к ЗЮЗ от г. Барнаула (рис. 1,1 и 1,3). К моменту раскопок он насчитывал 26 земляных курганов диаметром от 15 м до 30 м, высотой до 1,8 м (к. № 5). Насыпи большинства из них деформированы распашкой. В планировке могильника нет строгой упорядоченности. Тем не менее, визуально выделяются четыре или пять групп по 3–7 курганов, вытянутых в направлении ЮВ–СЗ. Археологическим отрядом Барнаульского пединститута (ныне Барнаульский государственный педагогический университет) в составе экспедиции Алтайского госуниверситета летом 1985 г. было изучено 7 курганов северной цепочки (№№ 2,4–9), из которых курган № 9 относится, по-видимому, к средневековью, а остальные — к раннему железному веку [Уманский, 1992].

Курган № 5 расположен в юго-восточной части цепочки, на одной линии с к. №№ 1–4 и 7 (рис. 1,3). Насыпь кургана самая высокая на могильнике (с учётом высоты отвала у грабительских воронок) —

¹ Прорисовка зеркал выполнена П.И. Шульгой.

1,8 м, её диаметр около 24 м (рис. 2). При обследовании на поверхности были хорошо заметны две грабительские воронки глубиной до 1,2 м, диаметром 5–7 метров (рис. 2). Под насыпью выявлено две могилы: центральная (№ 2) и боковая (№ 1). Их верхние части разрушены перекопами. Наблюдения показывают, что значительная часть древних шурфов, через которые проникали внутрь могилы с целью грабежа или осквернения, в центральной части заполнения и на уровне нижнего перекрытия имеет диаметр около 1 метра и даже 50–60 см. Ограбления 200–300-летней давности (как и современные) отличаются широкими шурфами, зачастую идущими по стенкам ям и разрушающими могилы в их верхней части. Различия между ранними и поздними ограблениями объясняются состоянием перекрытия погребальной камеры. В первом случае злоумышленники, хорошо зная размеры могилы и ориентацию умершего, точно выходили на область груди или головы и прорубали в перекрытии отверстие, достаточное для проникновения в свободную от грунта камеру. Если перекрытие к моменту ограбления обрушивалось, то для извлечения даже известного набора вещей необходимо было вскрывать захоронение широким раскопом, захватывающим участок от колен погребенного и до стенки могилы за черепом. В рассматриваемых погребениях из Рогозики и Локтя, за исключением погребения 4б в к. № 1 могильника Локоть-4, имел место последний вариант. Ко времени ограбления перекрытия уже просели, и возникла необходимость перекопки заполнения в придонной части могил. Грабители, собирая в Рогозике, Локте и Пазырыке даже обрывки золотой фольги и бронзовые вещи, опасались взять сияющие золотом или серебром диски. Позднее, при ограблениях представителями этносов, не знакомых с верованиями умерших, таких исключений не делали. Данные наблюдения, помогая проникнуть в почти закрытую для нас область религиозного мировоззрения скотоводов в V вв. до н.э., позволяют с большой долей уверенности говорить о нахождении зеркал из ограбленных погребений в Пызырыке, Рогозике и Локте на своих первоначальных местах, в головах умерших, лицевой стороной вниз.

Могила № 2 находилась в центре насыпи. На уровне материка она имела подквадратную форму размерами 3,6х3,6 м и ориентировалась сторонами по странам света с небольшим отклонением против часовой стрелки (рис. 2). В придонной части яма имела два уступа, придающих ей форму прямоугольника размерами 2,9х2,4 м, ориентированного длинными сторонами по линии ЮЮВ–ССЗ. Один уступ шириной 50–70 см находился на высоте 70 см от дна могилы, второй уступ — шириной 10 см располагался в 35 см выше дна. По дну, на глубине 3,2 м от

уровня древней поверхности, яма обкладывалась сосновыми брёвнами толщиной 15–18 см. На нижнем уступе находилось поперечное перекрытие из полубрёвен шириной 25–30 см, а на верхнем — продольное перекрытие из мощных брёвен толщиной 30–40 см. Вполне вероятно наличие разрушенного третьего перекрытия — на уровне древней поверхности. Содержимое могилы оказалось разграбленным. В заполнении грабительского шурфа найден каменный оселок из сланца размерами 12,7х3,1х1,7 см с отверстием для подвешивания в верхней части (рис. 5, 6), несколько небольших неорнаментированных черепков и венчик от сосуда (рис. 4, 3). Кости умершего были выброшены при ограблении. Сохранились перемещённые фрагменты, по которым можно предположить их принадлежность мужчине. Ориентация умершего не устанавливается, но, учитывая малую вероятность северного направления, можно говорить о положении человека головой на юг.

Могила № 1 находилась в 4 м к ЮЮВ от центральной № 2 (рис. 2; 3). Она имела подпрямоугольную в плане форму, размеры на уровне материка — 3,8х2,5 м, глубину от уровня древней поверхности — 2,95 м, ориентировку длинными сторонами — по линии ЗЮЗ–ВСВ. Уступы в придонной части уменьшали площадь ямы до 3,5х2,1 м. Как и в могиле № 2, стенки ямы по дну были обложены сосновыми брёвнами диаметром 10–12 см. Продольное перекрытие укладывалось на уступы.

В грабительском перекопе найдены фрагменты венчика от сосуда и обломок каменного прямоугольного алтарика с ножкой в виде небольшой выпуклости (рис. 4, 2, 4), встречались кусочки охры. В могиле было парное захоронение. Черепа не сохранились. Согласно предварительным определениям А.П. Уманского, часть немногочисленных костей, по-видимому, принадлежала женщине, умершей в возрасте около 30 лет. Другая могла относиться к мужчине, но не исключено, что это была женщина крепкого сложения в возрасте около 40 лет. Часть второго алтарика скорее указывает на присутствие в могиле двух женщин, с одной из которых мог быть положен колчан с портупейной ворворкой (рис. 5, 1–3).

Судя по расположению инвентаря, умершие ориентировались головами на ЗЮЗ.

Несмотря на разграбление, на дне могилы найдено значительное количество изделий. В западном углу, у остатков заупокойной пищи — ребер и позвонков лошади, обнаружен обломанный железный нож длиной 10,5 см и костяной втульчатый трёхгранный наконечник стрелы длиной 4,5 см с треугольными вырезами в основании (рис. 5,

7, 8). В южном углу ямы на дне тыльной стороной вверх лежало восточное зеркало (рис. 3, 7; 12), а несколько выше (ножками вверх) находился алтарик из серого гранита прямоугольной формы на четырёх цилиндрических ножках со следами охры на них (рис. 3; 4, 1). Его размеры 17,5х10,5 см. Рядом найден кусок охры. Почти в центре обнаружена массивная бронзовая ворворка колоколовидной формы диаметром 5,5 см в сочленении со сферической бляшкой, имеющей с тыльной стороны петельку с остатками тонкого кожного ремешка шириной 0,6 см (рис. 5, 1–3). Основание ворворки и отверстие заполированы от долгого употребления. Очевидно, в рабочем состоянии ремешок пропущен через отверстие в ворворке и фиксировался на петельке бляшки. В случае простого завязывания узелка у петельки, её применение не имело смысла. Поэтому вероятно использование бляшки в качестве блока, так как ширина отверстия в ворворке позволяет пропустить такой тонкий ремешок через петельку и обратно (рис. 5, 1а). Применение ворворки и бляшки в конской узде для фиксации сугловных или подбородочного ремней маловероятно — ворворка великовата, а ремень слишком тонок.

Рядом, в придонной части, находились две синие бусины из пасты и половина роговой пронизи с отверстием (рис. 5, 4, 5). Достоверно фиксируется лишь одно поперечное отверстие, продольного, по видимому, не было или оно смещалось в сторону, чему противоречит наличие концентрических врезных окружностей.

Курганный могильник Локоть-4² находится у границы с Республикой Казахстан на правобережной террасе реки Алей, неподалёку от сёл Локоть и Советский Путь Локтевского района Алтайского края, в 3,5 км к ВЮВ от кургана «с усами», именуемого Локоть-1а³ (рис. 1, 1). Из пятнадцати выявленных курганов, располагавшихся тремя цепочками в меридиональном направлении, в 1994–96 гг. исследовано одиннадцать (рис. 1, 2). Время функционирования могильника определяется в рамках V–IV вв. до н.э., возможно, конца VI–IV вв. до н.э.

Захоронение с зеркалом-погремушкой происходит из наиболее раннего кургана № 1, датируемого концом VI–V вв. до н.э.

Диаметр кургана № 1 до разрушения строителями составлял около 12 м. Его первоначальная высота — 0,7–1 м (рис. 6). Насыпь сооружалась из рваного камня. Крепида не выявлена. Расчищены четыре могильные ямы глубиной от уровня материка 1,5–3 м. Центральная яма 4 имела округлую в плане форму, размерами 4–4,3 м. От соседних могил 1 и 3 её отделяли небольшие материковые перемычки. Яма была рассечена грабительской траншеей, заложённой поперёк находившихся там погребений 4а и 4б (рис. 6). Судя по стратиграфическим наблюдениям, аналогично непо потревоженной могиле № 1 центральная могила № 4 первоначально выкапывалась до глубины 2,5 м от уровня материка, после чего засыпалась примерно на 1 м гумусированной материковой супесью (рис. 6; 7; 1). Очевидно, по прошествии какого-то времени с этого уровня было впущено погребение 4б, а затем — погребение 4а. Гумусированные прослойки на этом уровне позволяют предполагать, что ямы-склепы какое-то время оставались засыпанными лишь наполовину. Остатков надмогильных сооружений в виде столбовых ям, конструкций из брёвен или камня не найдено, за исключением многочисленных кусков обожжённых жердей и брёвен, происходивших большей частью из разрушенного перекрытия погребения 4б.

Погребение 4а (рис. 7). В придонной части представляло собой вытянутую овальную в плане яму с округлыми краями размерами 2,75х0,8 м, ориентированную длинными сторонами по линии ЮЗ–СВ. В 30–35 см выше дна яма расширялась небольшим уступом. В заполнении грабительского шурфа встречались камни, угольки, остатки обожжённых жердей перекрытия. Способ фиксации последнего не установлен. Вероятно, жерди укладывались продольно на торцовые уступы. Дно могилы плавно повышалось с северо-востока на юго-запад (от ног к голове) на 6–12 см. Грабительская траншея шириной 1,6–1,8 м прорезала центральную часть могилы, не затронув ноги умершей молодой женщины ниже коленных суставов. Раздробленность установленного в изголовье сосуда указывает, что грабители побывали здесь, разбили верхнюю половину сосуда, но не тронули остальные вещи. В 10 см к ЮВ от развала сосуда (рис. 10, 21) находились два хвостовых позвонка овцы, на таком же расстоянии к северу вверх тыльной стороной лежало бронзовое зеркало-погремушка. У юго-западной стенки могилы за развалом сосуда остриями на ЮВ лежали два однотипных бронзовых двухлопастных наконечника стрел плохой сохранности. На одном из них прослеживается основание шипа (рис. 10, 1). Неподалёку лежали остатки не менее трёх бронзовых (медных?) скобок (рис. 10, 12, 13), древесный тлен и деревянный же

² После уточнения могильник называется по-прежнему Локоть-4 (см.: Ситников, Шульга, 1995), а не Локоть-4а, как указывалось в некоторых публикациях.

³ В работе В.А. Могильникова памятник Локоть-4 ошибочно отмечен на левом берегу р. Алей [Могильников, 1997, рис. 1, 2].

клинышек. Похожая скобка несколько больших размеров обнаружена на дне ямы в грабительской траншее (рис. 10; 11), где в перемещённом состоянии находились девять светлых пастовых бусин диаметром от 8 мм до 15 мм (рис. 10, 18, 19), две полушарные нашивные бляшки из толстой золотой фольги, скрученная серебряная проволока от подвески серьги (рис. 10, 5, 6). Здесь же обнаружены: обломки железных изделий и фрагменты заколки (?) (рис. 10, 7, 8), железный стержёнок заколки с остатками дерева в верхней части, покрытый рифлёным золотым листом, копирующим оплётку золотой проволокой и, вероятно, навершие заколки — бусина из зелёного камня, оплетённая золотой проволокой (рис. 10, 9, 4). Не останавливаясь на анализе этих изделий, следует отметить чрезвычайно редко встречающийся прием украшения золотой зернью, впаянной между двумя колечками (рис. 10, 9). Он, очевидно, является образцом для известных бус из золотой фольги [Гельмел, Ситников, Шульга Н.Ф., Шульга П.И., 1996, рис. 1, 12, 15; Кирюшин, Фролов, 1998, с. 120, рис. 4, 4–6]. Несомненный интерес представляет и навершие, оплетённое золотой проволокой в форме узора на покрытом золотом навершии, из соседнего погребения 4б (сравнить: рис. 10, 4 и 10, 10).

Погребение 4б в придонной части представляло собой вытянутую подпрямоугольную яму размерами 330х83–105 см, ориентированную длинными сторонами по линии ЗЮЗ–ВЗВ (рис. 7, 1; 8). Как и в других могилах кургана № 1, уровень дна ямы к изголовью повышался. В 20 см выше дна яма расширялась уступом шириной 10–30 см. Перекрытие могилы состояло из уложенных на уступы с интервалом в 15–18 см поперечных жердей толщиной около 6 см, отёсанных сверху и снизу. Эти поперечины не могли нести на себе всю тяжесть перекрытия, состоявшего из сосновых неошкуренных брёвен диаметром 10–20 см, уложенных продольно в шесть накатов по пять стволов в каждом. Вероятно, брёвна опирались на торцовые уступы. Сверху и частично с боков брёвна перекрытия были сильно обожжены. Заполнение над брёвнами засыпано слоем камней мощностью 20–30 см. Перекрытие просело уже после ограбления. Кости женщины были отброшены к северо-восточной стенке ямы, а череп найден в грабительском перекопе ниже уровня могилы. В юго-западной части под неповрежденным перекрытием сохранились верхняя половина крупной железной заколки с навершием, покрытым листовым золотом (рис. 10, 10), кувшин с цилиндрической горловиной (10, 20), обломки железного ножа (?) и четыре бусины: золотая, две пастовых и серебряная (рис. 10, 14–17). Расположение инвентаря и расширяющаяся юго-западная часть могилы указывают

также на юго-западную ориентацию погребённой здесь второй женщины. По предварительному заключению, она умерла в возрасте 30–40 лет.

Конструкция двоянных погребений в общей яме 1 аналогична вышерассмотренной (рис. 6). В придонной части могил имелись уступы. Перекрытия не сохранились. На уровне предполагаемого перекрытия в ногах женщины в погребении 1а обнаружены остатки задней части лошади в виде костей ног и хвостовых позвонков. Мужское погребение 1б на уровне 1,2 м выше дна могилы, по-видимому, перекрылось шкурой лошади, от которой остались копытовидные, путовые и конечные кости конечностей. Передняя часть шкуры, как и в некоторых других погребениях могильника Локоть-4, видимо, была обращена на север. Могилы ориентировались по линии С–Ю. Уровень дна в южной части (в головах) был на 5–7 см выше, чем в северной. Умершие складывались на спину, с оттянутыми пальцами ног, головой на юг, на глубине 2,5–3 м от уровня погребённой почвы (рис. 6). Под черепами имелись материковые подсыпки для придания умершим положения «смотрящего на север». В погребении 1а находился костяк женщины, у черепа которой лежал крестец барана, в ногах стоял небольшой горшок, а на шейных позвонках расчищены рифлёные бусы-пронизки из толстой золотой фольги (рис. 9, 9, 13). В погребении воина 1б сосуд стоял в голове (рис. 9, 12), помимо аналогичных бус (рис. 9, 10), золотых серьги и солярной бляшки (рис. 9, 5, 11), найдены четыре костяных наконечника стрел, железные бляшки пояса, колчаный крюк и кинжал с бабочкообразным перекрестием и дисковидным навершием (рис. 9, 1–4, 6, 7).

Могила 2 имела продольные уступы, располагавшиеся в 10 см выше дна. Умерший был уложен на спину вытянуто головой на ЮВ. В изголовье стоял сосуд (рис. 10, 23). В области груди найдено пять рифлёных бусин-пронизок из листового золота (рис. 9, 8).

В могиле № 3 уступы располагались на трёх уровнях. На дне расположен костяк женщины, лежавшей головой на юг, без инвентаря. На уступе, чуть ниже уровня материка обнаружены кости ребёнка с южной ориентацией. В его изголовье стоял сосуд (рис. 10, 22).

Подводя итог краткому обзору находок в кургане № 1, отметим, что несмотря на особенности погребального обряда и различия в датировке, все одиннадцать исследованных курганов в трёх цепочках могильника Локоть-4 едины в культурном отношении. Имея много общего с прохоровцами, казахстанскими саками, каменной культурой и даже пазырыкцами через харловский тип погребений [Шульга, 1997], курганы могильника Локоть-4 пока не могут быть однозначно отнесены ни к одному из известных этнокультурных образований.

Описание зеркал

Рогозихинское зеркало изготовлено из двух позолоченных с внешней стороны дисков⁴. Их размеры и толщина несколько различаются. Лицевой диск имеет диаметр 152 мм, толщину около 1,2 мм. Тыльный диск чуть меньше — диаметр 151 мм, толщина около 0,9 мм, а у краёв — 0,5 мм, кромка с внешней стороны подточена и приострена (рис. 12). Ручка и черенок не сохранились. По обломанному краю можно установить, что черенок был плоским, толщиной около 1,2 мм. Он отходил от лицевого диска, но был обломан вместе с его кромкой. Ширина черенка в основании равна 21 мм. Дополнительное обследование показало, что находящийся в нижней части тыльной стороны небольшой выступ является остатком второго симметричного черенка шириной в основании также 21 мм. Его толщина не превышала 0,5 мм. Черенки, очевидно, скреплялись между собой одним или двумя штифтами-заклёпками. После облома ручки остаток тонкого черенка был подточен. Диски скреплялись семью штифтами-заклёпками (№№ 1–7). Отверстия под заклёпки располагались с интервалом 63 мм или 65 мм и пробивались по центру солярных значков (рис. 12). Толщина штифтов равнялась диаметру точек по центру солярных значков, поэтому с оборотной стороны они почти незаметны.

Тыльная сторона имела два рельефных полых валика и цельнометаллический конический выступ по центру. Последний возвышался над валиками на 3–4 мм. Оба валика в сечении шестигранные. Каждая грань, за исключением крайних, в центре чуть вогнута и отделена от соседних утолщёнными (усиленными) рёбрами. Внешний валик отстоит от края диска на 5–6 мм, внутренний — на 49–50 мм. Технология изготовления диска не рассматривалась, но нужно отметить полную симметричность всех рёбер на валиках и центрального конического выступа. Из-за механической обработки края зеркала его ширина колеблется от 5 до 6 мм. Здесь по периметру пуансоном был нанесён орнамент из 106 солярных значков-кружков диаметром по 3,5 мм с точками в центре (ср. алтайский «кось»). Плоское поле с изображениями

ограничено со стороны внешнего валика тремя concentрическими окружностями, пространство между которыми заполнено косыми насечками, образующими ёлочку «вершиной» по движению солнца. Со стороны внутреннего валика имеются две, местами слабо прослеживающиеся, окружности, между которыми находятся два орнаментальных пояса: внутренний в виде зигзага и внешний из косых насечек. Между внутренним валиком и коническим выступом имеется ещё один слабо выраженный валик. Орнамент и изображения наносились чеканкой уже золочёного диска, который затем склёпывался с лицевым.

Пространство между валиками занято изображением религиозно-символической сцены. Подробное её изучение и интерпретация должны представлять собой отдельное исследование. В настоящей работе авторы ограничиваются общим описанием, делая акцент на деталях, хорошо заметных лишь при работе с оригиналом.

В верхней части диска находится изображение слона и сидящей на седле (?) птицы. В литературе положение слона определяется как центральное [Уманский, 1992, с. 56; Могильников, 1997, с. 83]. Выделял этот сектор и К.Ф. Смирнов, считая антропоморфную голову вверху зеркала, наряду с центром, символом солнечного божества [Смирнов, 1968, с. 118]. Быть может, в пользу этого говорит факт перекрывания ногой и хвостом слона левой фигурки стоящей в полный рост женщины, которая, в свою очередь, перекрывает фигурку, «выходящую» вслед за ней. Вместе с тем, это может означать последовательность шествия или порядок построения (со слоном впереди) по направлению к зрителю. Вполне вероятно, что перед нами праздничное шествие культового характера, где танцы могли сочетаться с обращениями к божеству. На последние указывают поднятые вверх правая или левая руки у всех женщин на мечетсайском и локтевском зеркалах, у четырёх из шести женщин — на рогозихинском. Два круглых, напоминающих листья, выступа на голове слона — несколько преувеличенное изображение этой отличительной особенности индийских слонов. Выступ и нижняя губа сопровождаются тонкими чёрточками, названными лучами [Могильников, 1997, с. 83]. Это, очевидно, волос, покрывающий к тому же и хвост, где имеются аналогичные чёрточки. Подобный натурализм проявился при изображении антилоп (Мечетсай и Ломовы), у которых верхняя половина тела затемнена точечным орнаментом, а нижняя оставлена светлой. Перед слоном находится фигура

⁴ Первоначально указывалось, что зеркало изготовлено из серебряных позолоченных дисков [Уманский, 1992, с. 56]. Полоуколичественный спектральный анализ локтевского и рогозихинского зеркал, проделанный в лаборатории минералогии и геохимии Том ГУ, выявил состав металла, близкий мечетсайскому: основу сплава составляла медь, содержание серебра, свинца и цинка оказалось аналогичным. Кусочки серебристого цвета из локтевского зеркала аналогичны по составу его тыльному диску, но, по-видимому, содержат большее количество олова.

женщины⁵, играющей на многострунном (видно 4 струны) щипковом инструменте типа арфы. В нижней части зеркала имеются поясные изображения трёх женских фигур. Две из них как бы повернулись лицами в сторону третьей, при этом левая держит в руке цветок. Возможно, все они в равной мере обращены к объекту поклонения, хотя центральная и не подняла руки в позе адорации. Эта группа интересна тем, что, вероятно, по замыслу мастера находится позади других и наиболее удалена от зрителя. Очевидно, не случайно ноги данных в полный рост женщин перекрывают головки и головные уборы нижестоящих. Если принять предложенную ранее интерпретацию сцены на рогозихинском зеркале как шествие [Уманский, 1992, с. 57], то назначение разделительной зоны или линии на мечетсайском и локтевском зеркалах может заключаться в подчёркивании направленности движения вверх и вперёд. Вместе с тем на зеркале из Локтя линия фиксируется и в верхней части (рис. 14).

На руках (выше локтя и на запястье) и ногах женщин изображены браслеты (колокольчики-погремушки?), на шеях ожерелья, на груди «музыкантши» — крупная подвеска. Одежды их двух типов, имеют рукава до локтя, ткань показана различной штриховкой, узлы (петли) свисающих вниз «шарфов» могли завязываться на правом и левом бёдрах. Обе изображённые в полный рост женщины имеют одинаковые трёхслойные головные уборы с «башенкой». Основание такой же «башенки» видно и у левой поясной фигурки. Головной убор правой поясной фигуры выполнен в виде бантика или листьев растений.

Прослеживается последовательность нанесения изображений и орнамента. Первоначально чеканились орнаментальные пояса по краям плоского поля. Одним из первых нанесено изображение слона, так как рука и головной убор находящейся слева от него женщины выполнялись позже, а выходящая вслед за ней женщина изображена в этом секторе последней. «Музыкантша» нанесена также одной из первых, а поясные фигуры последними. Очевидно, этот порядок указывает на статус того или иного существа, их значимость для данного сюжета. В последнюю очередь размещались бутоны лотоса, листья, ветви растений и солярные значки. Солярные знаки, как видно, подчёркивают статус существ. Примыкающие к солярным значкам цветы лотоса и листья, вероятно, усиливают их значение, несут дополнительную информацию.

⁵ Под словом «женщина» здесь понимается антропоморфное существо в виде женщины, которое едва ли могло быть человеком.

Все изображения на зеркале, кроме концентрических окружностей, чеканились. Большая часть линий на рогозихинском и локтевском зеркалах наносилась чеканом с рабочей частью треугольной (клиновидной) формы таким образом, что при наращивании линии основание очередного отпечатка перекрывало острие предыдущего. Этим же способом орнаментировались некоторые одежды, а также ткань на ногах женщин, стоящих по обе стороны слона. Часть прямых линий и отрезков наносилась чеканом, оставляющим черточку длиной 2,5–3 мм. Им нанесены «ёлочки» и «зигзаг». Похожим, но более узким бойком выполнялся сеточный орнамент на головных уборах и пальцы рук, возможно, и черточки вокруг головы слона, под его нижней губой и на хвосте, а также едва заметная штриховка сеточным орнаментом «башенок» головных уборов. Для нанесения точечного орнамента на листья, внутренние части цветов, «шарфы» и ткань на бёдрах женщин, внешний контур головного убора, хвост, бивни, части корпуса слона, выпуклости его головы и для проведения пунктирной линии на лицах женщин от рта до внешнего уголка глаза использовался чекан типа тонкого пробойника. Точки по центру солярных значков ставились чеканом с диаметром бойка чуть более 1 мм. Каждый вид солярных значков (большие с точками в центре, малые на морде слона) чеканился соответствующим пуансоном. Значок средних размеров без точки под лоботом слона выполнен подтреугольным бойком.

Локтевское зеркало состояло из двух бронзовых позолоченных снаружи дисков одинакового диаметра — 143–144 мм (рис. 14). Поскольку в результате коррозии диски несколько деформировались и раздулись, то их толщина устанавливается приблизительно, с возможной погрешностью до 0,2–0,3 мм. Толщина лицевого диска равна 1,2–1,5 мм, тыльного — около 1 мм. Край последнего чуть тоньше и с внешней стороны несколько сточен. Черенок отходил от тыльной стороны и обломан в древности. Судя по излому, он был плоским, толщиной равным диску, около 1 мм, ширина его у основания составляла 22–26 мм. В отличие от рогозихинского зеркала, на локтевском не было симметричного выступа или штыря на противоположном диске.

Диски соединены семью заклёпками, расположенными с интервалом 60 мм и 55 мм (возле ручки). Ещё одна, восьмая заклёпка, фиксируемая на лицевом диске, соединяла его с основанием черенка. Все восемь отверстий под бронзовые штифты-заклёпки имеют диаметр около 2 мм. Обработывая тыльный диск и нанося солярные значки по краю, мастер заблаговременно не отмсчал места отверстий под заклёпки, они пробивались с нарушением симметрии уже по солярным знач-

кам (рис. 14). По центру значков пробито лишь две заклёпки № 3 и № 5. Чтобы не повредить солярные значки, удары при склёпке наносились со стороны лицевого диска, отчего штифтики с этой стороны расплющены сильнее. Вероятно, для обеспечения большей прочности соединения отверстия проделывались под углом к поверхности дисков (рис. 14). После облома черенка вместе с украшенным солярными значками краем диска, за внешним валиком, по линии, делящей поле с изображениями на две части, было пробито отверстие для подвешивания зеркала диаметром 4–5 мм. Обломившийся край тыльной стороны был несколько зашлифован.

Тыльный диск имеет два рельефных полых валика и цельнометаллический конический выступ по центру. Последний возвышался над внешним валиком на 3–4 мм. Оба валика в сечении шестигранные. Разделяющие их рёбра выглядят как полукруглые валики — следствие вспучивания металла. Первоначально, как и у рогозихинского зеркала, каждая грань чуть прогибалась по центру, поднимаясь к краям за счёт утолщённых рёбер. Внешний валик отстоит от края диска на 5 мм, а внутренний — на 46–47 мм⁶. В полости внешнего валика находилось два кусочка серебристого металла подквадратной в плане формы размерами 5х5х3 мм и 5х6х3 мм, отрезанных от уплощённого прута (рис. 14). По краю тыльного диска шириной 5 мм нанесён врезной орнамент из 94 кружочков диаметром около 3,5 мм с точками в центре.

Плоское поле с изображениями имеет ширину около 18 мм. Оно ограничено со стороны внешнего валика тремя концентрическими окружностями, пространство между которыми украшено косыми насечками, образующими орнамент в виде ёлочки «вершиной» против движения солнца. Со стороны внутреннего валика имеются окружности в три линии в левой части диска и в четыре линии в правой части диска. Здесь нанесена универсальная для восточных зеркал орнаментация двух соседних зон. С изображениями граничит ряд косых насечек, а к валику примыкает зона с орнаментом в виде зигзага. Между внутренним валиком и коническим выступом имеется четыре концентрических окружности, между которыми на двух участках во внешнем и среднем поясе как будто угадываются перпендикулярные насечки.

Предваряя последующее описание сцены, необходимо указать на недостатки предлагаемого рисунка (рис. 14; 15). В результате длитель-

⁶ Как и на рогозихинском зеркале, все валики и окружность намечались циркулем, а имеющиеся на рисунках отклонения объясняются деформацией (Локоть) и сложностями прорисовки.

ной работы под слоем окислов по оставшимся на бронзе, иногда едва заметным или прерывающимся линиям удалось точно прорисовать все основные изображения, но характер мелкой орнаментации поверхностей одежды, тел, растений и пр. понятен лишь местами. Из-за вспучивания бронзы число насечек в орнаментальных поясах по краям плоского поля точно не восстанавливается, их количество на рисунке может несколько отличаться от действительного. Не полностью прослеживаются контуры голов нижних антилоп, есть некоторые сомнения в наличии солярного значка над головой женщины в левом секторе. Причина этому — коррозия, разрушившая ровный слой позолоты на обоих дисках. Частички золота прослеживаются по всей тыльной стороне, но хорошо сохранились лишь на участке площадью 1х1 см в районе крупа правой антилопы. Приёмы чеканки аналогичны отмеченным на зеркале из Рогозихи.

Изображения на плоском поле тыльного диска наносились, исходя из симметричности расположения правой и левой сторон, подчёркиваемой тонкой линией в нижней и верхней частях. Подобия сторон нет, как и на рогозихинском зеркале, и вернее будет говорить о достижении равновесия между ними. По обе стороны линии в геральдической позе мордами в противоположные стороны расположены две антилопы, каждая из которых сопровождается тремя солярными знаками. Выше, занимая более половины всего пространства, находятся две женщины в традиционной для «восточных» зеркал позе одорации — одна рука поднята, другая опущена вниз, одна нога отставлена вперёд. Голова левой женщины дана анфас, и мы впервые видим иной ракурс лица и головного убора. Каждое из этих существ сопровождает по четыре солярных знака. В верхней части изображена обращённая головой влево антилопа с четырьмя солярными знаками.

Поскольку изображения сохранились значительно хуже, чем на рогозихинском зеркале, и сделать качественную фотографию невозможно, мы приводим подробное описание каждого из них. Все три антилопы даны в одной манере. Ноги верхней антилопы не видны, они скрыты орнаментальными поясами и внутренним валиком. От других её отличает увеличенная голова. Верхняя половина тела каждого животного покрыта мелкими точками, а нижняя «чистая», что, по-видимому, передаёт характерную для многих видов антилоп контрастную окраску. Контуры морд у нижних животных видны неполностью. Очевидно, они были такими же, как и у верхнего. Глаза имеют миндалевидную форму. По центру каждого глаза, вероятно, ставилась точка-зрачок, но прослеживается она только в одном случае. Листовидные

уши антилоп опущены вниз, у нижних они касаются шеи. Рога во всех случаях отходят от головы выше уха, опускаются параллельно уху, затем принимают горизонтальное положение и отгибаются несколько кверху. Как прослежено у верхней антилопы, окончание рога опять опускалось вниз, но не касалось крупа. Хвост имел среднюю длину.

У правой женщины тонкая талия и относительно широкие бедра, правая рука поднята, левая опущена. Пальцы на кисти последней не обозначены. Правая нога отставлена вперёд. Покрой одежды, покрывающей фигуру ниже пояса и ноги до колен, аналогичен известному в Рогозихе. Хорошо виден «шарф», пропущенный и перегнутый у правого бедра. На шее имеется переданное тремя чёрточками ожерелье, так же показан браслет чуть выше локтя правой руки. Ещё одна слабо-заметная чёрточка на запястье, возможно, означает браслет. Вполне вероятно наличие черточек на щиколотках ног, но установить это не удалось. Одежда и украшения на груди правой и левой женщин прослеживаются фрагментарно. Судя по верхней части, они были подобны одеждам основных фигур на рогозихинском зеркале.

У левой женщины левая рука поднята вверх, а правая опущена вниз. Покрой одежды ниже талии был, очевидно, аналогичен отмеченному у правой, но из-за плохой сохранности металла хорошо прослеживается лишь «шарф», перекрывающий левую отставленную ногу. Его верхний перегнутый конец мог быть только у левого бедра, как в Рогозихе. Выше локтя правой руки двумя чёрточками обозначен браслет. Одна чёрточка на запястье. Вполне вероятно — на шее было ожерелье. Поворот головы анфас показал миндалевидные глаза с дугами бровей, «утиный» носик и рот-чёрточку. Головной убор передан в виде трёх овальных сфер, что вполне согласуется с тремя слоями головных уборов, отмеченных линией, сеткой и пунктиром из точек, наиболее хорошо заметных у «музыкантши» из Рогозихи. Судя по сохранившимся участкам в обращённой к антилопе части, все три слоя украшались косыми насечками, подобно орнаментальным поясам. «Башенка» в передней части головного убора не отделена от лица. Она оказалась довольно узкой, очевидно, с основой, плотно прилегающей к голове. Головка женщины с головным убором является иной проекцией уже известного на восточных зеркалах, поэтому может стать ключом для идентификации рассматриваемых антропоморфных существ.

Солярные знаки на локтевском зеркале, несомненно, несут закодированную информацию. Одним из авторов уже предполагалось, что они «символизируют принадлежность и женщин, и слона, и птицы к небожителям» [Уманский, 1992, с. 57]. Если на рогозихинском зеркале

ранее не отмечалось упорядоченности в расположении 19 солярных значков, то на локтевском она очевидна: по три знака имеют нижние антилопы и по четыре — женщины. Верхняя антилопа сопровождается четырьмя знаками, однако нужно иметь в виду особое положение верхнего существа. Так, два знака, сопровождаемые нераспустившимся бутонот лотоса (у морды) и листом (у хвоста), аналогичны двум знакам с таким же сопровождением у рогозихинского слона. Они, вероятно, несут дополнительную смысловую нагрузку, связанную и с расположением женщин. Возможен параллельный вариант кодирования информации по зонам с помощью расположения определённого числа значков. Возможно поэтому, несмотря на меньшее количество существ, на локтевском зеркале нанесено почти столько же знаков (18 шт.), что и на рогозихинском (19 шт.). На локтевском и рогозихинском зеркалах отчётливо заметна приуроченность солярных значков к определённым органам изображённых существ. Все они имеют по одному знаку у рта (женщины), морды (антилопы, слон) и клюва (птица). На рогозихинском зеркале значок обязательно касается подбородков женщин. Видимо, такие же значки были и на плохо сохранившемся мечетсайском зеркале. На это указывают точки от значков (?) по периметру тыльного диска, кружок под мордой правой антилопы и кружок (?) под подбородком правой женщины.

Второй солярный значок обычно помещался между ног (женщины, слон) или у хвоста (антилопы) и, возможно, относится к анальному отверстию. У стоящих женщин из Рогозихи по два солярных знака у пальцев ног, что может быть трактовано как приуроченность к конечностям. Но на локтевском зеркале вторые значки стоят сзади, у кистей опущенных рук, а первые значки между ног продолжают сохранять своё место. Третий значок связывался с рогами (антилопы), бивнями (слон) или головой (женщины). Очевидно, в случае необходимости (неудобство размещения?) значки могли менять места расположения с тем, чтобы сохранить соответствующее статусу существа количество. Вероятно, определённое значение имеет солярный знак на крупе слона, значок без точки под его хоботом и орнаментация головы слона мелкими кружками (23 шт.). В ряде случаев (на рогозихинском зеркале восьмью из девятнадцати, на локтевском в семи из восемнадцати) солярный значок сопровождается бутонот лотоса или листком. Иногда эта связь подчёркивается соединительной линией (Рогозиха), или они примыкают друг к другу (Локоть, Рогозиха). Авторами допускается возможность числовых комбинаций солярных значков, расположенных по периметру зеркала, для подсчёта которых на рисунках указаны

места нахождения заклёпок, количество которых (семь) также неслучайно.

В завершение описания нужно отметить особенность композиции. Если для скифо-сако-сибирского искусства характерно стремление вписать то или иное изображение в требуемую площадь или объём и сделать его самодостаточным, то на восточных зеркалах, несмотря на следование определённой симметричной схеме, посредством намеренного отсекаания частей одних изображений и проникновения извне других, создаётся впечатление, будто большую сцену на плоскости типа блюда приспособили под новые задачи, закрыв внешним и центральным валиками часть изображений.

За кажущейся идентичностью зеркал-погремушек [Кузнецова, 1994, 1995] обнаруживается много различий в материале изготовления (бронза, позолоченная бронза, серебро), в диаметре (146–155 мм), в количестве заклёпок (3, 7 или 8 с учетом заклёпки к черенку), в количестве солярных значков по периметру: 130–136 в Пазырыке, 90 в Мечетсае, 106 в Рогозихе и 94 в Локте. Черенок у зеркал может отходить от лицевой стороны (Пазырык, Мечетсай), от тыльной стороны (Локоть), от лицевой в сопровождении симметричного тонкого выступа или черенка, отходящего от тыльной стороны (Рогозиха). Существенны различия по расчленению на зоны, набору персонажей и по манере их нанесения. Так, у антилоп на мечетсайском зеркале уши располагаются над рогами, а на локтевском под ними. По иному выполнены лица антропоморфных существ и пальцы рук. Направление «ёлочек» орнаментальных поясов на локтевском и мечетсайском зеркалах прямо противоположно рогозихинскому. Пазырыкское зеркало вообще не имеет изображений и в этом плане сближается с их упрощёнными вариантами или подражаниями (рис. 11), снабжёнными длинными ручками и украшенными небольшими валиками, конусом и концентрическими окружностями [Могильников, Уманский, 1995, рис. 1,4; рис. 2,6]. Не совпадает количество граней на валиках и многое другое. Очевидно, что зеркала изготавливались не одним мастером, как считалось [Кузнецова, 1995, с. 127], и даже не в одном центре. Можно предполагать длительный период их производства и использования. Если о первом мы судим по косвенным данным, то на длительность использования указывает как датировка курганов с зеркалами (с конца VI — первой половины V вв. до н.э. до конца V — нач. IV вв. до н.э.), так и факт поломки рогозихинского и локтевского и их последующий ремонт.

Датировка курганов № 5 и № 1.

Согласно проведённому В.В. Могильниковым анализу и датированию инвентаря из погребений каменной культуры (алтарики, зеркала, наконечники стрел и др.), обе могилы из кургана № 5 могильника Рогозиха-1 можно было бы отнести к V–IV вв. до н.э. [Могильников, 1997, с. 83–86, 89, 55, рис. 46], и даже к более узкому отрезку времени — около рубежа V–IV вв. до н.э. [Могильников, 1997, с. 89]. С последним следует согласиться, хотя значительная часть изделий из кургана № 5 бытовала на протяжении V–III вв. до н.э.: каменные алтарики, фрагменты неорнаментированного сосуда с короткой шейкой и отогнутым венчиком, подтреугольный в сечении железный нож и оселок. В этих же рамках датируются костяные трёхгранные втульчатые базисные наконечники с подтреугольными и овальными вырезами в основании. Для степной и лесостепной зон Алтайского края пока не удастся построить убедительную классификационно-хронологическую таблицу костяных наконечников стрел. Так, в последней обобщающей работе В.А. Могильникова выбор хронологического отрезка (конец VI–IV вв. до н.э.) привёл к объединению в одной группе ранних наконечников стрел из кургана 8 Быстрянского могильника, датируемого не позже второй половины VI в. до н.э., и наконечников из Андроново [Могильников, 1997, рис. 46, 21, 23, 26]. Последние, в частности, втульчатый, типа рогозихинского (рис. 5, 7), датируются на прилегающих территориях в Горном Алтае и Северном Казахстане IV–III вв. до н.э. [Суразаков, 1988, рис. 22; Хабдулина, 1994, табл. 51]. Вместе с тем, роговые втульчатые трёхгранные наконечники появляются на Алтае довольно рано, в VI в. до н.э. [Завитухина, 1961, рис. 3, 1; Суразаков, 1988, с. 58]. Бронзовые трёхгранные втульчатые наконечники с подтреугольными вырезами в основании также были распространены на Алтае и западных территориях в VI–IV вв. до н.э. [Иванов, Медникова, 1982, рис. 1, 5–10; Смирнов, 1961, рис. 15, 20, 21, рис. 21, 41, 43, 45–51 и др.; Максименко, Смирнов и др., 1984, рис. 56, 2]. Подобные бронзовые наконечники найдены вместе с мечетсайским зеркалом [Смирнов, 1975, рис. 56, 4]. Наконечник из Рогозихи как будто поздней формы, но он имеет длину 4,5 см и почти равен наконечникам из Второго Пазырыкского кургана середины V в. до н.э. [Руденко, 1953, табл. 85, 2], содержащего аналогичный алтарик и зеркало-погремушку. Таким образом, не исключена вероятность бытования роговых наконечников типа рогозихинского во второй половине V в. до н.э.

Необходимо учесть датировку комплексов из курганов цепочки, в состав которой входит курган № 5. Примерно к V–IV вв. относится содержавший 11 могил к. № 8, с большим количеством керамики, же-

лезными ножами, бронзовыми гривнами, алтариком на четырёх ножках, бронзовым зеркалом с ручкой, пряслицами и прочими изделиями [Уманский, 1992]. Более ранним временем в рамках V в. до н.э. может быть датирован курган № 4 (содержавший три могилы) с украшениями узды в виде головок грифона, клыками кабана, курильницей без ножек [Уманский, 1992], а также курган № 2 с распределителями ремней узды, украшенными ромбами, бляшкой в виде головки хищной птицы и роговой подпружной пряжкой [Уманский, 1992]. Наиболее ранними являются курган № 6, откуда происходят бронзовые бляхи в виде стилизованных головок грифов с имитацией уздечных колец-пронизок и курильницей без ножек [Уманский, 1992] и курган № 7. Последний датируется набором упряжи из центральной могилы 8 концом VI — первой половиной V в. до н.э. В этот набор входят характерные для VI в. до н.э. роговой распределитель перекрестья ремней и костяные дужки седельных луков [Уманский, 1992], а также появляющиеся в конце VI — нач. V вв. до н.э. застёжки-пронизки подбородочных ремней с косо срезанным краем [Шульга, 1998]. Там же найдена и массивная роговая подпружная пряжка. Важно отметить в могиле 2 кургана № 7 наличие алтарики и оселка, аналогичных найденным в кургане № 5.

Таким образом, наиболее вероятная дата совершения захоронений в кургане № 5 — вторая половина V в. до н.э.

Время сооружения кургана № 1 могильника Локоть-4 определяется в рамках конца VI—V вв. до н.э. Не рассматривая в настоящей работе керамику и украшения, обратимся к комплексу предметов вооружения из могилы 1, захоронение в которой, судя и по сходству погребального обряда, произведено с незначительным разрывом во времени с могилой 4.

Роговые втульчатые ромбические в сечении наконечники с двумя опущенными гранями, образующими жальца, бытовали на протяжении всей скифской эпохи. Если исходить из вероятности связи роговых наконечников VII—V вв. до н.э. с бронзовыми асимметрично-ромбическими с «шипастым основанием» [Завитухина, 1966, рис. 3,12; Хабдулина, 1993, рис. 4,3—5, с. 31; Яблонский, 1996, рис. 35,12; Итина, Яблонский, 1997, рис. 57,3,4,6,7], то отмечаемые на локтевских наконечниках параллельность граней или небольшое сужение к основанию (рис. 9,2,3) следует считать ранними признаками. На севере Казахстана подобные наконечники относятся к раннескифскому времени [Хабдулина, 1994, табл. 51,1,2]. А.С. Суразаков на материалах Горного Алтая и предгорий помещает их в конец VI — нач. V в. до н.э., как и бронзовый наконечник из кургана № 14 Быстрянского могильника [Сураза-

ков, 1988, рис. 22,4, рис. 21,7, с. 58]⁷. В.А. Могильников такой наконечник помещает в раздел конца VI—IV вв. до н.э., а бронзовый наконечник из Быстрянского могильника — к концу V в. до н.э., хотя в тексте указывает время — вторая половина VI—V вв. до н.э. [Могильников, 1997, рис. 46,22, рис. 44,11, с. 55].

Особый интерес представляет роговой наконечник из погребения 16 (рис. 9,4), копирующий бронзовые трёхгранные или трёхгранно-трёхлопастные. Он имеет незначительно выступающую втулку и небольшие жальца на концах граней. Его бронзовые прототипы широко представлены у саков Нижней Сырдарьи VII—VI вв. до н.э. [Вишневская, 1973, табл. XIII, 45—47; Итина, Яблонский, 1997, рис. 59, рис. 60] и савроматов VI или VI—V вв. до н.э. [Смирнов, 1961, рис. 15,11, рис. 16,60,61 и др.; Кадырбаев, Курманкулов, 1976, рис. 14 и др.; Кадырбаев, 1984, рис. 1,40,41; Гаврилюк, Таиров, 1993, с. 64; и др.]. Железный кинжал с узким бабочковидным перекрестием и диско-видным навершием, очевидно, укладывается в эти рамки, хотя полных аналогий ему не известно.

Двухлопастные втульчатые наконечники стрел, лежавшие рядом с зеркалом-погремушкой в головах женщины (погр. 4а), уже в то время были архаичными и использовались в качестве предметов культа или как часть головного убора, что подтверждается нахождением имитаций двухлопастных лавролистных наконечников в кургане Иссык [Акишев, 1978, с. 26, илл. 31, табл. 7]. Вместе с тем, в несколько более ранних захоронениях Южного Приуралья двухлопастные втульчатые наконечники также встречаются вместе с трёхгранно-трёхлопастными [Кузнецова, Курманкулов, 1993, рис. 6; Гаврилюк, Таиров, 1993, рис. 2]. Бронзовый втульчатый двухлопастный наконечник с шипом найден в «раннескифской» могиле № 15 МГК-1, датированной второй половиной VI — нач. V вв. до н.э. [Абдулганеев, Кунгуров, 1990, рис. 1,4, с. 97,101]. Однако, этот памятник более ранний, чем курган № 1 из Локтя-4 и курганы VI в. до н.э. типа Башадар-2, Туэкта-1 и др. Судя по датировке типично раннескифских наконечников из поселения Боровое-3 VI в. до н.э., или VI — нач. V вв. до н.э. [Абдулганеев,

⁷ Необходимо отметить, что датировка Первого Башадарского кургана, откуда происходят, как считает А.С. Суразаков, самые ранние роговые наконечники рассматриваемого типа, нуждается в уточнении. С.И. Руденко относил его ко второй половине IV или началу III вв. до н.э. [Руденко, 1960, с. 336]. Показательно отношение к этому вопросу Л.С. Марсадолова, не упоминающего Первый Башадарский курган в своих сводках (см.: Марсадолов, 1985, с. 14—15; 1996, с. 56—57).

1992, с. 99; Абдулганеев, 1993, с. 52], здесь имеет место «омоложение» раннескифских комплексов до конца VI в. до н.э.

Погребения с зеркалами-погремушками обычно датируются серединой V–IV вв. до н.э. [Смирнов, 1968, с. 117; Руденко, 1960, с. 336; Кузнецова, 1995, с. 127]. Если исходить из определения времени сооружения Второго Пазырыкского кургана серединой V в. до н.э. [Руденко, 1960, с. 336; Марсадолов, 1996, с. 51], то появление таких зеркал в среде кочевников можно отнести к концу VI — нач. V в. н.э. В курганах савроматов и ранних пазыркцев VI в. до н.э. с конской упряжью, сочетающей раннескифские и более поздние черты (типа найденной в Блюменфельде, Саре, Бесобе, Сынтасе, Башадаре, Туэкте и др.), таких зеркал ещё нет.

Их появление связано с очередным изменением в кочевом мире — заменой савромато-раннепазырыкских комплексов среднепазырыкскими, каменскими и прохоровскими. Период использования кочевниками «восточных» зеркал был довольно продолжительным — до IV в. до н.э.

Не углубляясь в решение вопроса об эволюции «восточных» зеркал (см.: Могильников, Уманский, 1995), прокомментируем факт нахождения в могиле 2 кургана № 7 могильника Рогозиха-1 позолоченного зеркала с ручкой (рис. 11). Его тыльная сторона украшена пятью окружностями, три внешние оконтуривают слабо заметный валик по периметру, а две, по-видимому, имитируют внутренний валик восточных зеркал. По центру имеется еще один внутренний валик и конический выступ. Диаметр зеркала 17,5 см, длина ручки 9,6 см. В центре конического выступа имеется ямка для циркульного инструмента, которым прочерчивались все пять окружностей. Зеркало сопровождалось комплектом из алтарика на ножках и оселка, идентичных найденным в кургане № 5. Предметы упряжи из центральной могилы 8 кургана № 7 позволяют датировать её первой половиной — серединой V в. до н.э. Могила 2 устроена позже, но едва ли выходит за рамки V в. до н.э. Ручка, вероятно, такого же зеркала найдена в кургане № 4 с деталями упряжи V в. до н.э. К V в. до н.э. отнесен К.А. Акишевым курган Иссык, а, соответственно, и найденное там бронзовое позолоченное зеркало, сочетающее черты зеркал-погремушек и зеркал с ручкой, украшенных по центру конусом (выпуклостью), валиком и концентрическими прочерченными циркульным инструментом окружностями [Акишев, 1978, с. 39]. Следовательно, можно допустить, что зеркала этого типа появляются на Алтае уже в V в. до н.э. и какое-то время

существуют с «восточными», являясь на этом этапе не столько подражаниями, сколько их упрощённым вариантом.

Итак, рогозихинские и локтевские материалы указывают на довольно раннее появление зеркал-погремушек у скотоводов восточной части евразийского пояса степей. Несмотря на отсутствие данных о месте производства зеркал-погремушек, их «восточное» происхождение не вызывает сомнений (см.: Литвинский, 1978, с. 84–85; Уманский, 1992; Кузнецова, 1995; Могильников, Уманский, 1995; Марсадолов, 1996, с. 72; Могильников, 1997, с. 83; Шульга, 1997; Ширин, 1997). В силу не вполне ясных причин три из них отложились в захоронениях на Алтае и одно — в Южном Приуралье, т.е. на северной периферии кочевого мира. В более южных территориях они неизвестны, хотя зеркала, а, быть может, и сами женщины-жрицы [Шульга, 1997] проникали оттуда.

Наиболее ранним захоронением с зеркалом-погремушкой следует считать локтевское (конец VI — первая половина V в. до н.э.), серединой V в. до н.э. датируется Второй Пазырыкский курган, второй половиной V в. до н.э. — курган № 5 могильника Рогозиха-1, концом V–IV вв. — захоронение 5 в кургане 8 Мечетсайского могильника. При этом авторы учитывают такие обстоятельства, как некоторая несостыковка в датировке западных и алтайских материалов (последние несколько удревняются); «омоложение» рядом исследователей Пазырыкской группы курганов до конца IV–III вв. до н.э. [Чугунов, 1993, с. 169; Членова, 1996, с. 314]; вероятность длительного использования рогозихинского и локтевского зеркал до попадания их в погребения. В данной работе, как отмечалось выше, целесообразно придерживаться устоявшихся датировок, в частности, Больших курганов Пазырыка.

В заключение отметим, что вопросы, касающиеся семантики сцен на зеркалах-погремушках, историко-культурной ситуации и верований кочевых и оседлых народов Средней Азии и Алтая, а также культурной принадлежности погребений с восточными зеркалами, опущены в статье сознательно. Рассмотрение каждого из них, в силу слабой изученности, предполагает отдельное исследование. Предлагаемая работа является одним из шагов в этом направлении.

Примечания

1. Абдулганеев М.Т. Бийский этап (хронологические рамки и содержание понятия) // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 91–105.

2. Абдулганеев М.Т. Памятники бийского этапа в верхнем Приобье // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 51–56.
3. Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Могила раннескифского времени около Барнаула // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 97–104.
4. Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978. С. 132.
5. Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э.: По материалам Уйгарака. М., 1973. 160 с.
6. Гаврилюк А.Н., Таиров А.Д. Курганы у села Обручёрка в Южном Зауралье // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 53–67.
7. Гельмель Ю.И., Ситников С.М., Шульга Н.Ф., Шульга П.И. Аварийные раскопки в Локтевском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 100–106.
8. Завитухина М.П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // АСГЭ. 1961. Вып. 3. С. 89–108.
9. Завитухина М.П. Курганы у села Быстриянского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г.) // АСГЭ. Вып. 8. 1966. С. 61–78.
10. Иванов Г.Е., Медникова Э.М. Новообинский курган // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 89–95.
11. Итина М.А., Яблонский М.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997. 187 с.
12. Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 84–93.
13. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 137–156.
14. Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В. Комплекс памятников эпохи раннего железа в районе с. Елунино // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 110–136.
15. Кузнецова Т.М. Пазырык и Мечетсай // Скифо-сибирский мир. Проблемы археологии скифо-сибирского мира. Ч. 1. Кемерово, 1989. С. 72–73.
16. Кузнецова Т.М. Восточные музыкальные зеркала // Петербургский археологический вестник. Вып. 7. СПб., 1994. С. 82–87.
17. Кузнецова Т.М. Три восточных зеркала // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. 2. Барнаул, 1995. С. 124–128.
18. Кузнецова Э.Ф., Курманкулов Ж.К. Бронзовые изделия из памятников савроматской культуры Западного Казахстана (данные спектрального анализа) // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 44–52.
19. Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978. 216 с., ил.
20. Максименко В.Е., Смирнов К.Ф., Горбенко А.А., Лукьяшко С.И. Богатые раннесарматские комплексы правобережья Дона. Приложение в кн. К.Ф. Смирнова. «Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии». М., 1984. С. 124–141.
21. Марсадолов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 16 с.
22. Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996. 100 с.
23. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 196 с.
24. Могильников В.А., Уманский А.П. Два зеркала из Новотроицких курганов // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995. С. 19–31.
25. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.–Л., 1953. 402 с., табл.
26. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.–Л., 1960. 359 с., табл.
27. Ситников С.М., Шульга П.И. Работы на Юго-Западном Алтае // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 59–62.
28. Смирнов К.Ф. Бронзовое зеркало из Мечетсай // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 116–121.
29. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. № 101. М., 1961. 162 с.
30. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа // Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1989. 216 с.
31. Уманский А.П. Рогозихинские курганы по раскопкам Барнаульского пединститута в 1985 году // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 51–59. Рис. на с. 186–194.

32. Хабдулина М.К. Хронология наконечников стрел раннего железного века Северного Казахстана // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 24–43.
33. Хабдулина М.К. Степное Прииртышье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994. 170 с.
34. Членова Н.Л. Хронология опорных памятников скифской эпохи // История, археология, культурная антропология и этнография. М., 1996. С. 313–318.
35. Чугунов В.К. Датировка Больших Пазырыкских курганов — новый виток старой дискуссии // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. 1. Барнаул, 1993. С. 167–169.
36. Ширин Ю.В. Театр теней у ранних кочевников Евразии // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 149–151.
37. Шульга П.И. «Индийские» зеркала и женщины-жрицы на Алтае // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997а. С. 144–148.
38. Шульга П.И. Новые материалы по культуре сакского времени северо-западных предгорий Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1997б. С. 336–342.
39. Шульга П.И. Раннескифское погребение на р. Чарыш из могильника Чесноково-1 // Древности Алтая. Известия лаборатории № 3. Горно-Алтайск, 1998. С. 58–69.
40. Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья. М., 1996. 185 с.
41. Культура Алтая (кор. и англ. язык). Альбом выставки. Южная Корея. 1995.

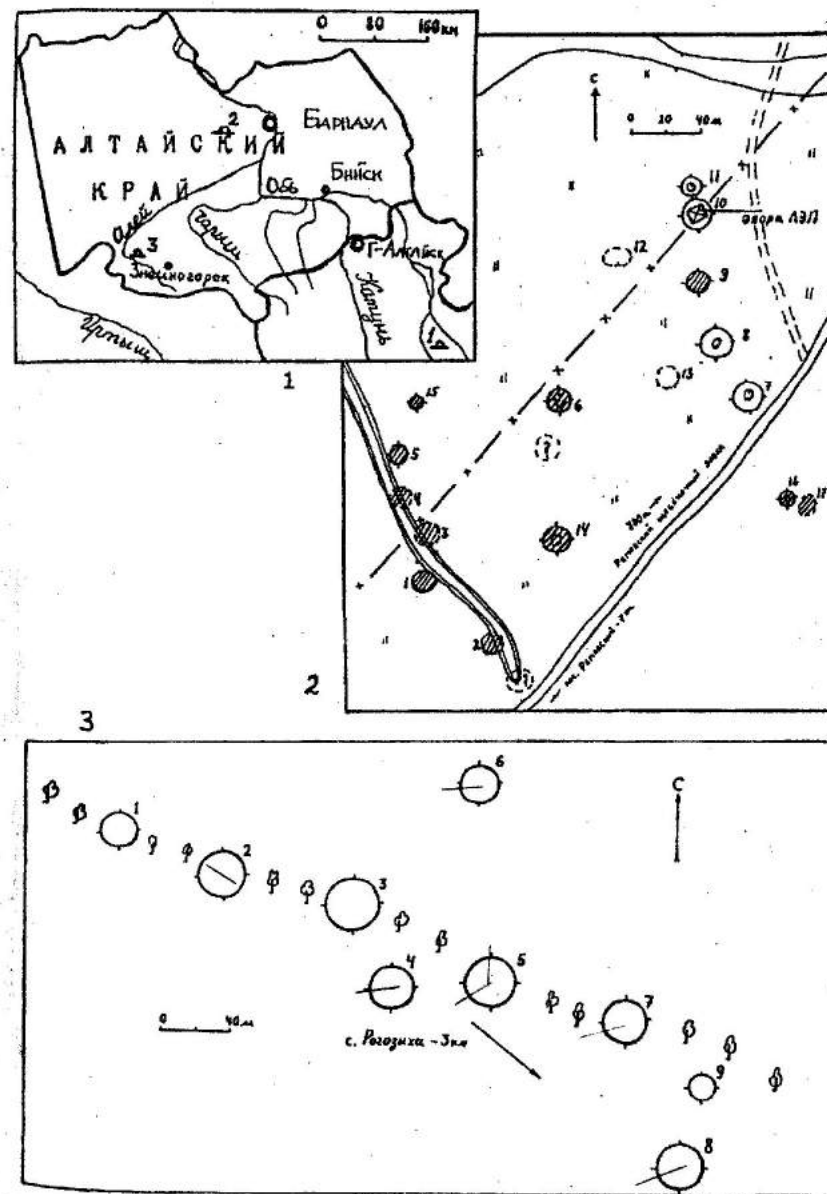

Рис. 1. 1 — карта расположения захоронений с восточными зеркалами;
2 — план могильника Локоть-4;
3 — план северной части могильника Рогозиха-1.

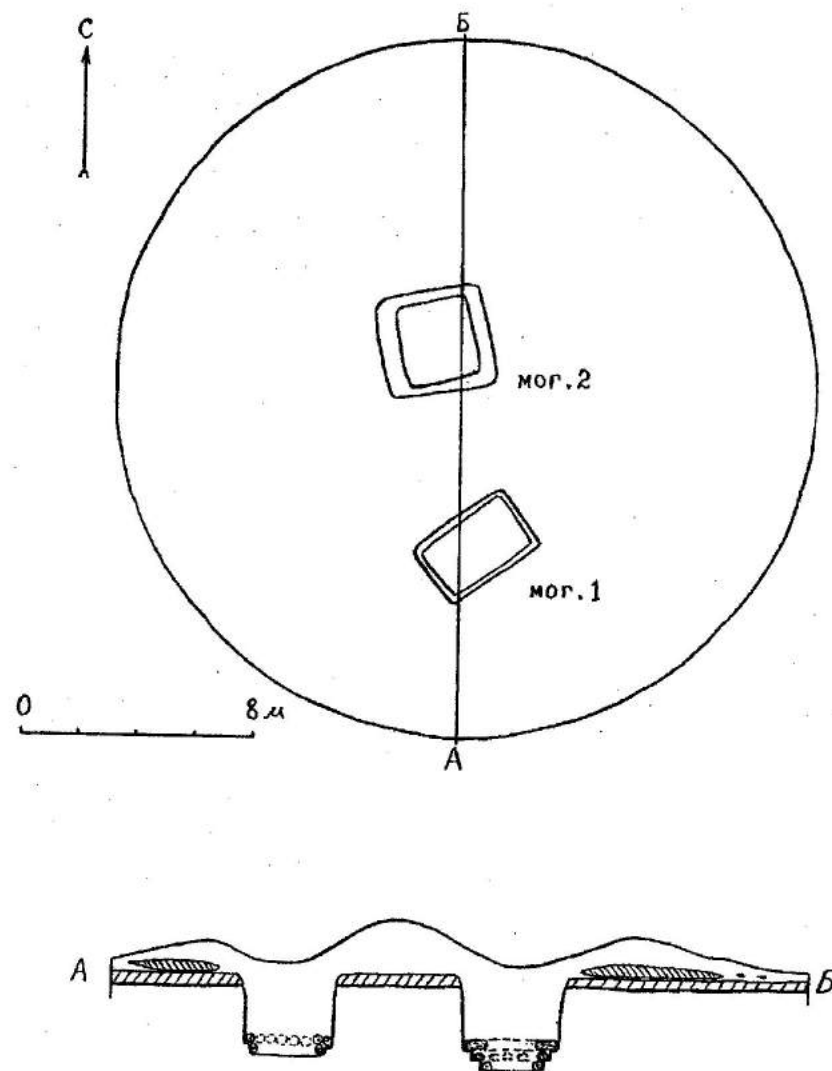

Рис. 2. Могильник Рогозиха-1, курган № 5.

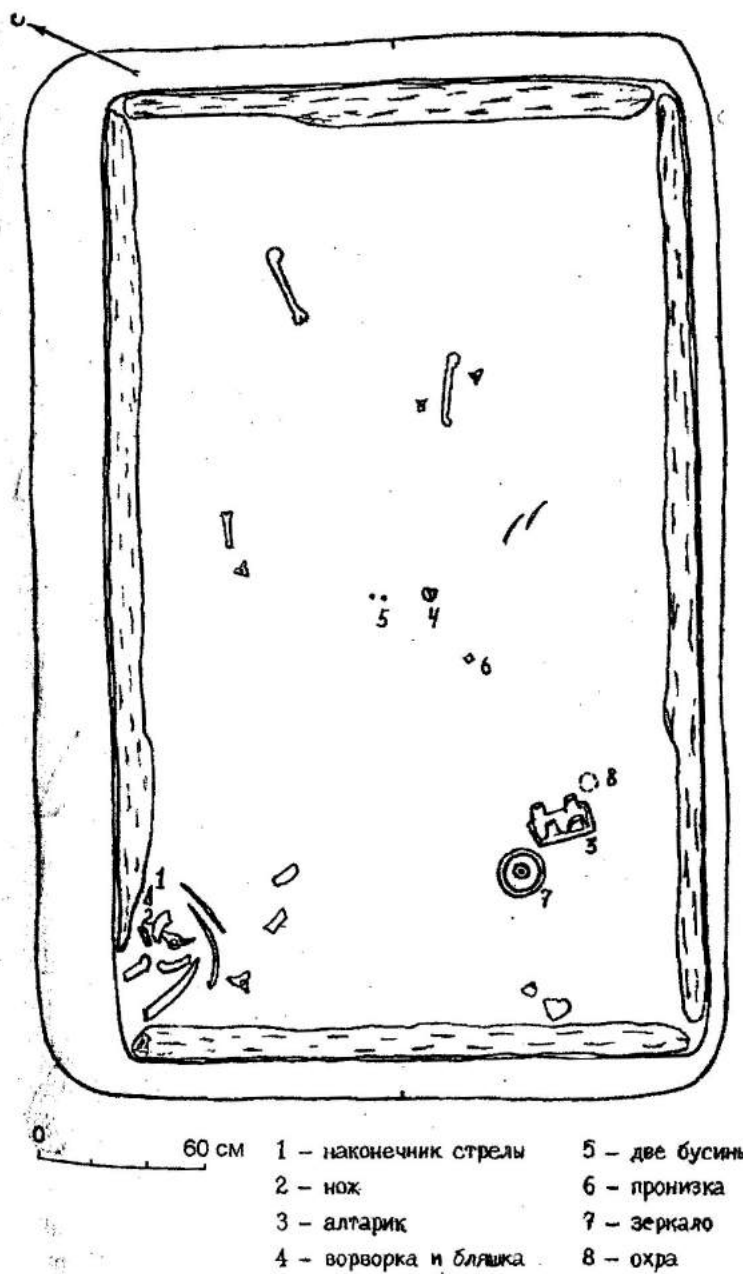

Рис. 3. Могильник Рогозиха-1, курган № 5. План могилы 1.

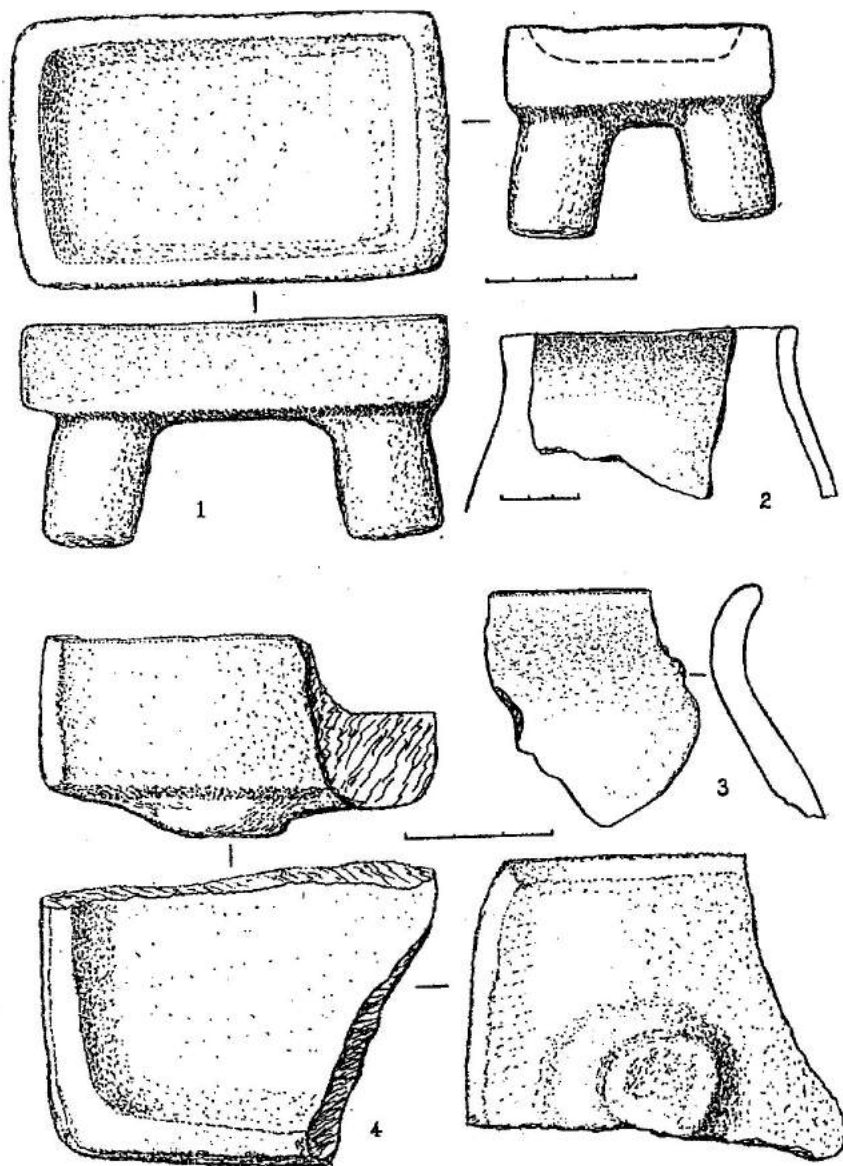

Рис. 4. Могильник Рогозиха-1, курган № 5.

Находки из могил 1 (1,2,4) и 2 (3). 1 – алтарь, 2 – реконструируемый сосуд, 3 – фрагмент сосуда, 4 – обломок алтарика; камень – 1,4; керамика – 2,3.

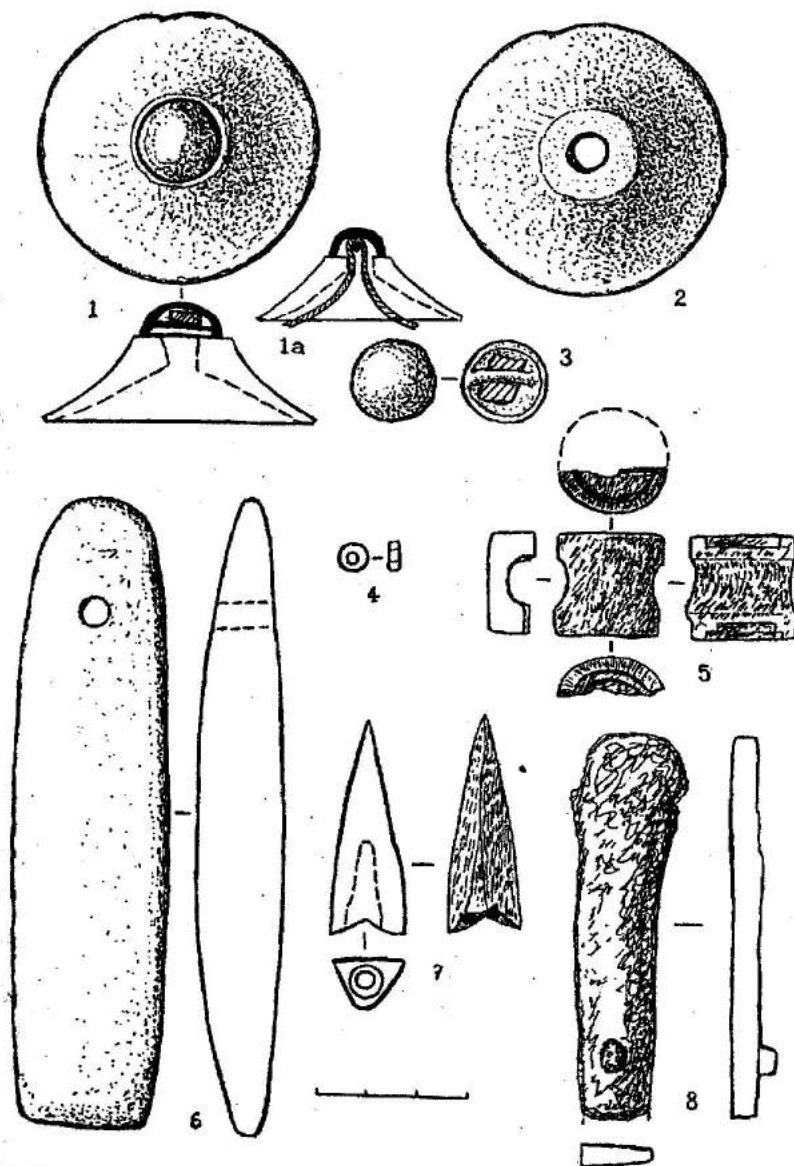

Рис. 5. Могильник Рогозиха-1, курган № 5.

Находки из могил 1 (1-5,7,8) и 2 (6). 1 – взаиморасположение ворворки и бляшки, 1а – вероятный способ пропуска ремня, 2 – ворворка, 3 – бляшка с остатками ремня, 4 – бусина, 5 – пронизка, 6 – оселок, 7 – наконечник стрелы, 8 – рукоять ножа (?); бронза – 1,2, рог – 5, 7, железо – 8, паста – 4, камень – 6, бронза, кожа – 3.

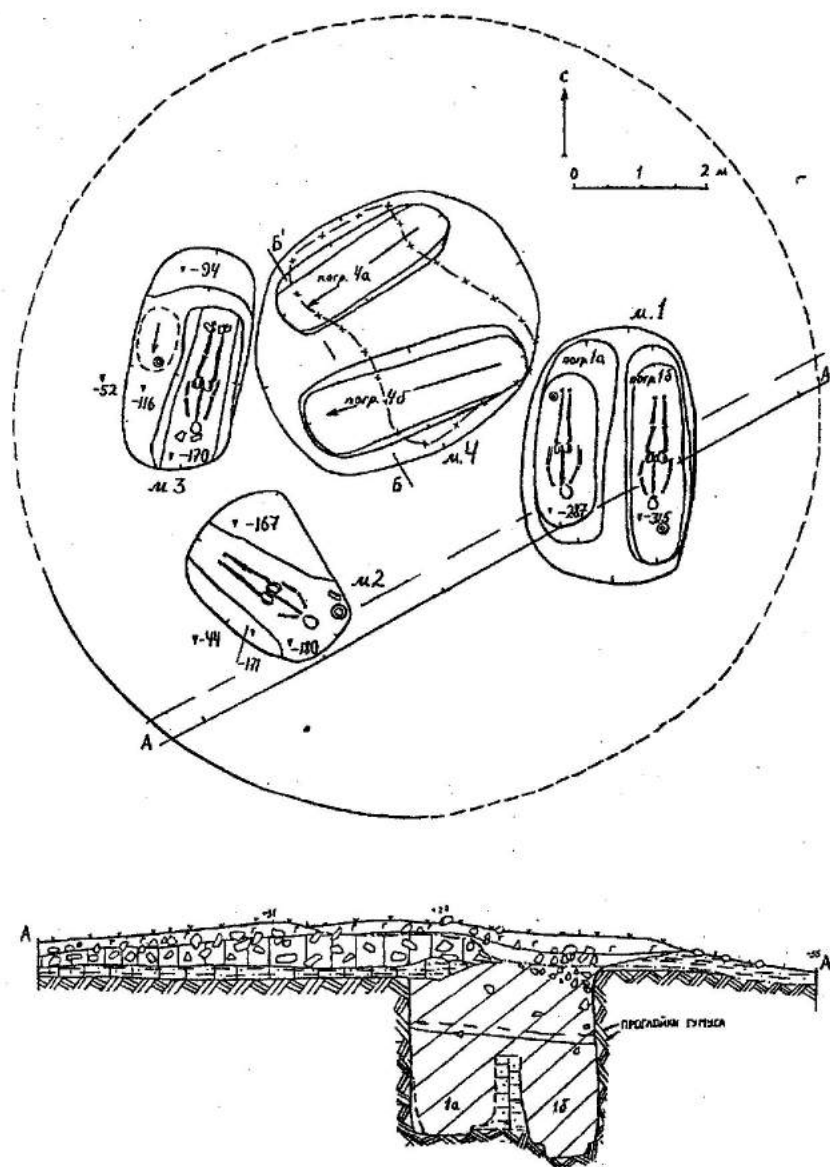

Рис. 6. Могильник Локоть-4, курган № 1.

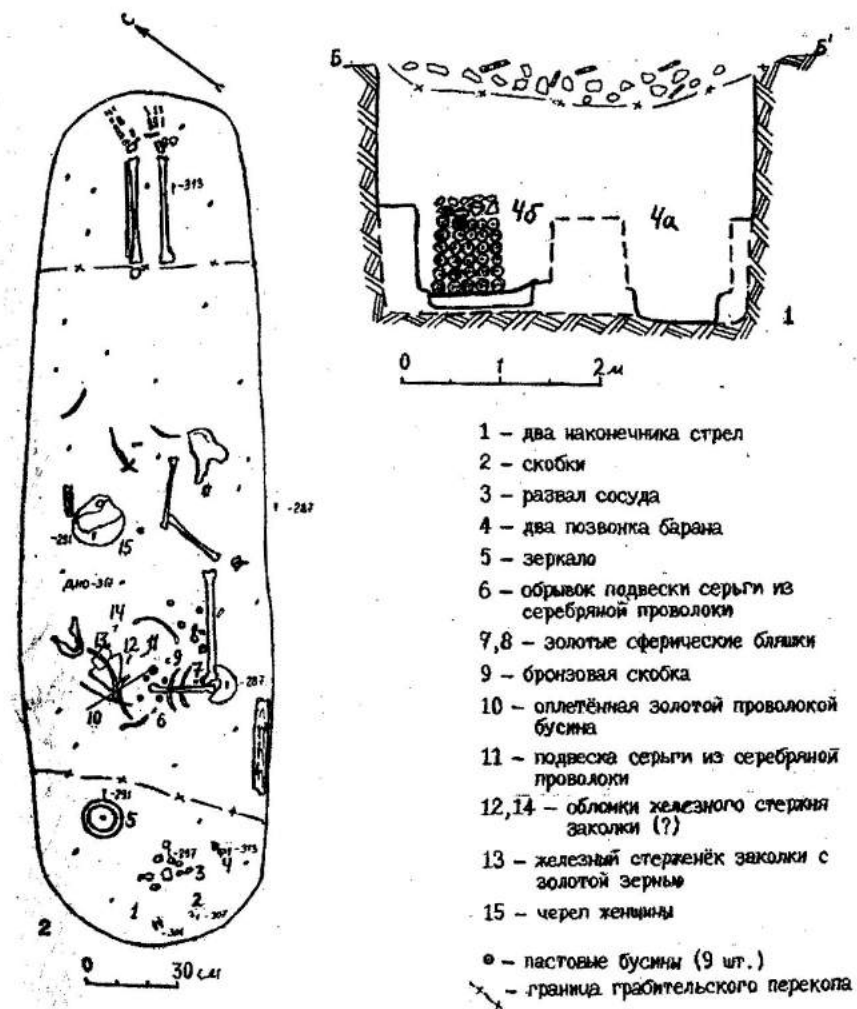

Рис. 7. Могильник Локоть-4, курган № 1. 1 – разрез могилы 4, 2 – план погребения 4а.

- 1 – два наконечника стрел
- 2 – скобки
- 3 – развал сосуда
- 4 – два позвонка барана
- 5 – зеркало
- 6 – обрывок подвески серьги из серебряной проволоки
- 7, 8 – золотые сферические бляшки
- 9 – бронзовая скобка
- 10 – оплетённая золотой проволокой бусина
- 11 – подвеска серьги из серебряной проволоки
- 12, 14 – обломки железного стержня заколки (?)
- 13 – железный стержень заколки с золотой зернью
- 15 – череп женщины
- – пастовые бусины (9 шт.)
- граница грабительского перекопа

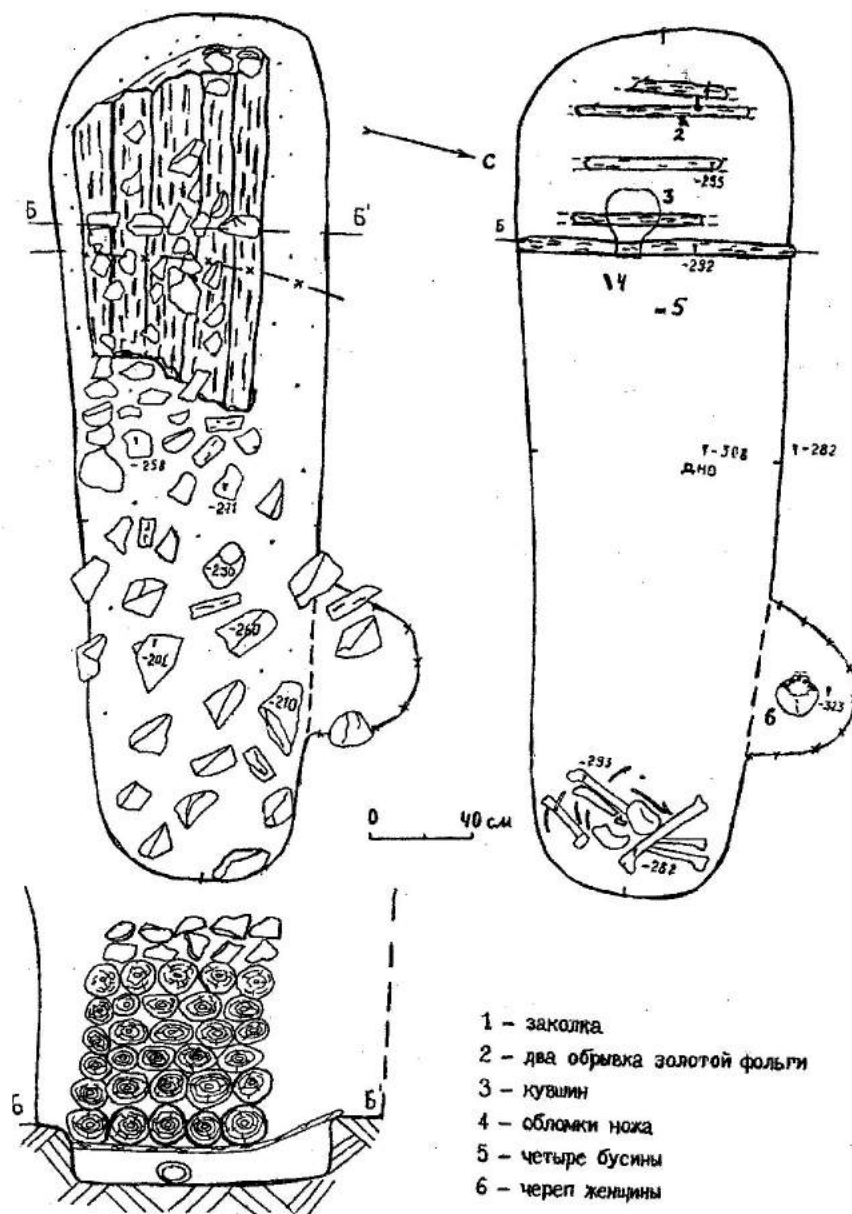

Рис. 8. Могильник Локоть-4, курган № 1.
Планы и разрез погребения 46.

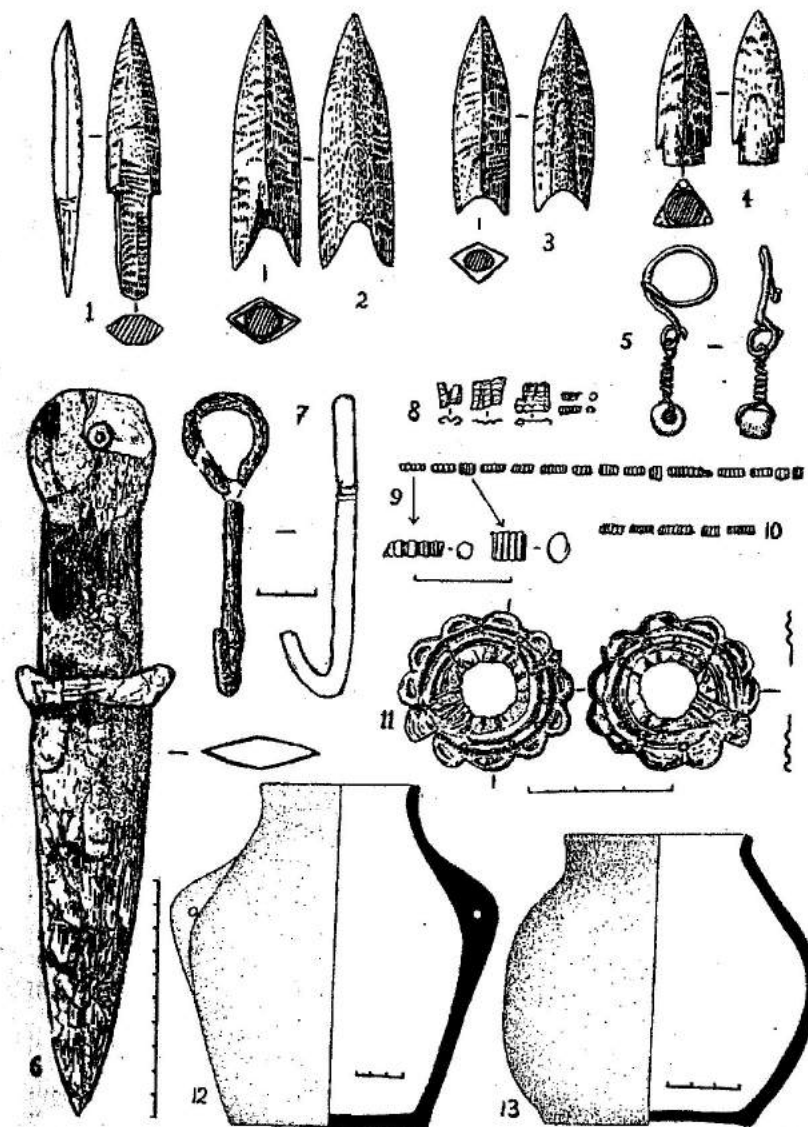

Рис. 9. Могильник Локоть-4, курган № 1. Находки из могилы 1 (1-7, 9-13) и могилы 2 (8). 1-4 - наконечники стрел, 5 - серьга с подвеской, 6 - кинжал, 7 - колчаный крюк, 8-10 - пронизки из золотого листка, 11 - солярная бляшка, 12, 13 - кринкообразный сосуд и горшок; золото - 8-11, золото, серебро, стекло - 5, железо - 6, 7, рог - 1-4, керамика - 12, 13.

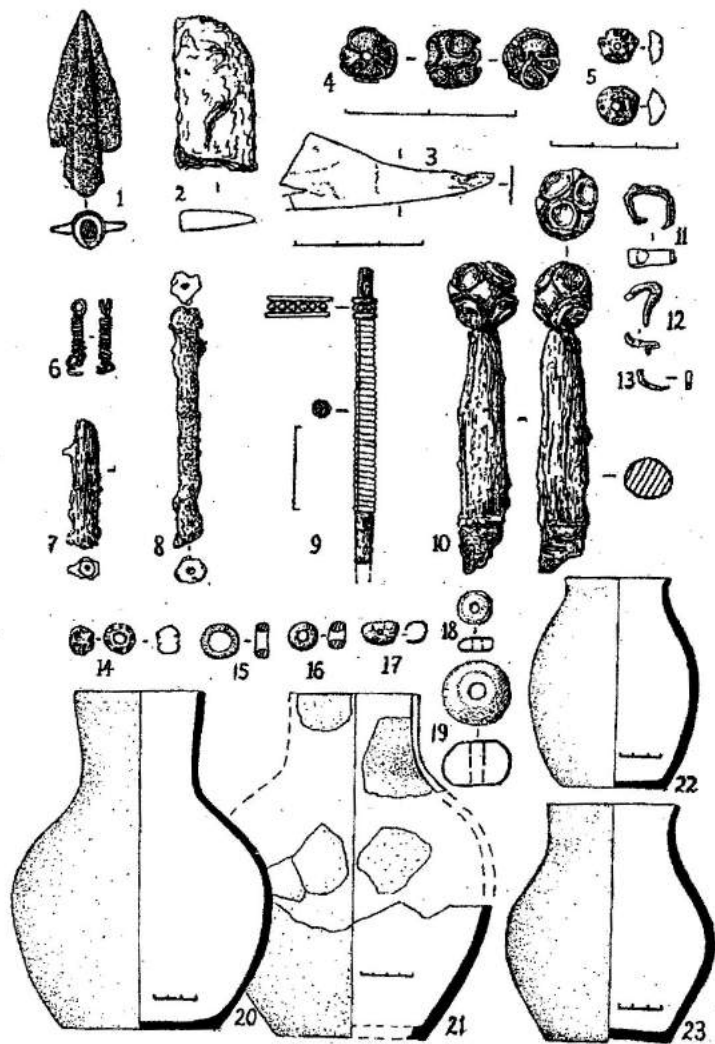

Рис. 10. Могильник Локоть-4, курган № 1. Находки из могил 4 (1-21), 3 (22) и 2 (23). Погребение 4а - 1, 4-9, 11-13, 18, 19, 21, погребение 4б - 2, 3, 10, 14-17, 20. 1 - наконечник стрелы, 2 - обломок ножа, 3 - фрагмент аппликации из фольги, 4 - оплетенная золотой проволокой бусина, 5 - сферические нашивные бляшки, 6 - подвеска серьги, 7, 8 - фрагменты закладки (?), 9 - закладка со снятым навершием, 10 - фрагмент закладки с навершием, 11-13 - скобки, 14-19 - бусы, 20, 21 - кувшины, 22, 23 - кринки; бронза - 1, 11-13, золото - 3, 5, 14, золото, железо - 9, 10, золото, камень - 4, серебро - 6, 17, железо - 2, 7, 8, паста - 15, 16, 18, 19, керамика - 20-23.

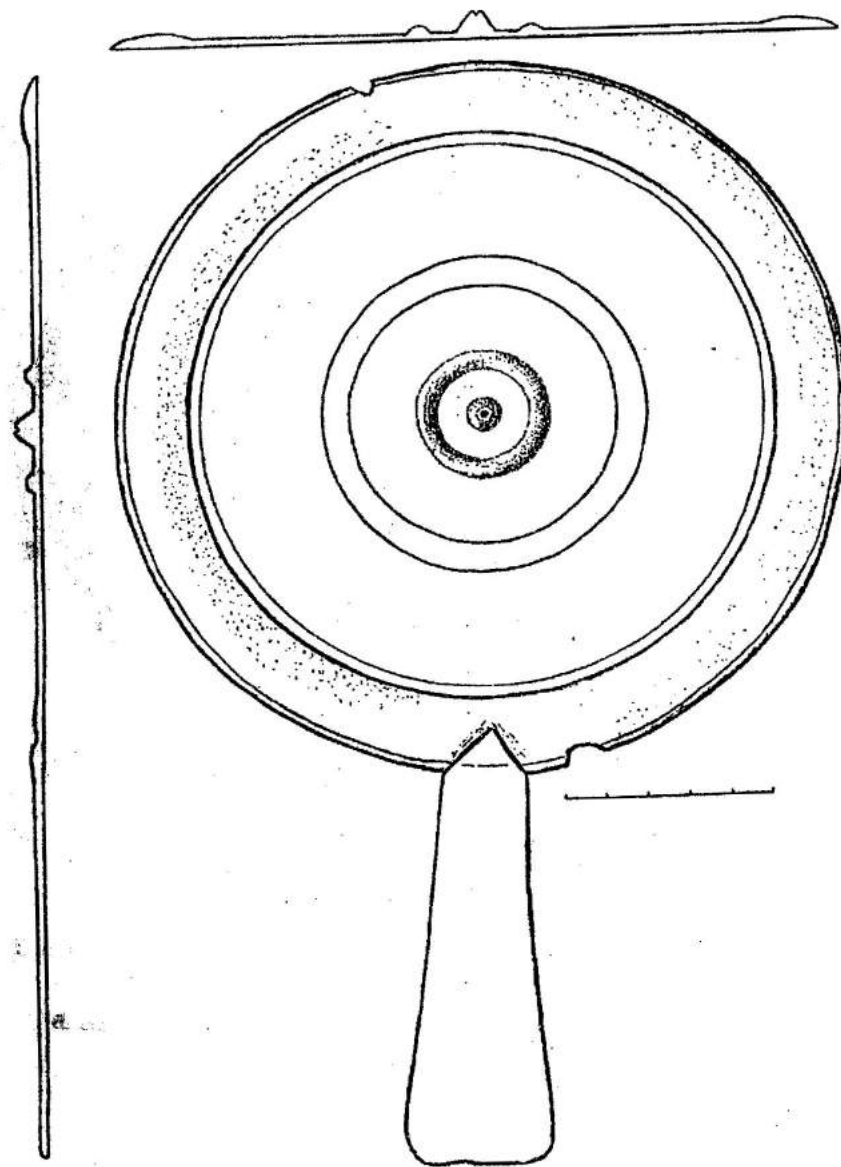

Рис. 11. Могильник Рогозиха-1. Зеркало из могилы 2 кургана № 7.

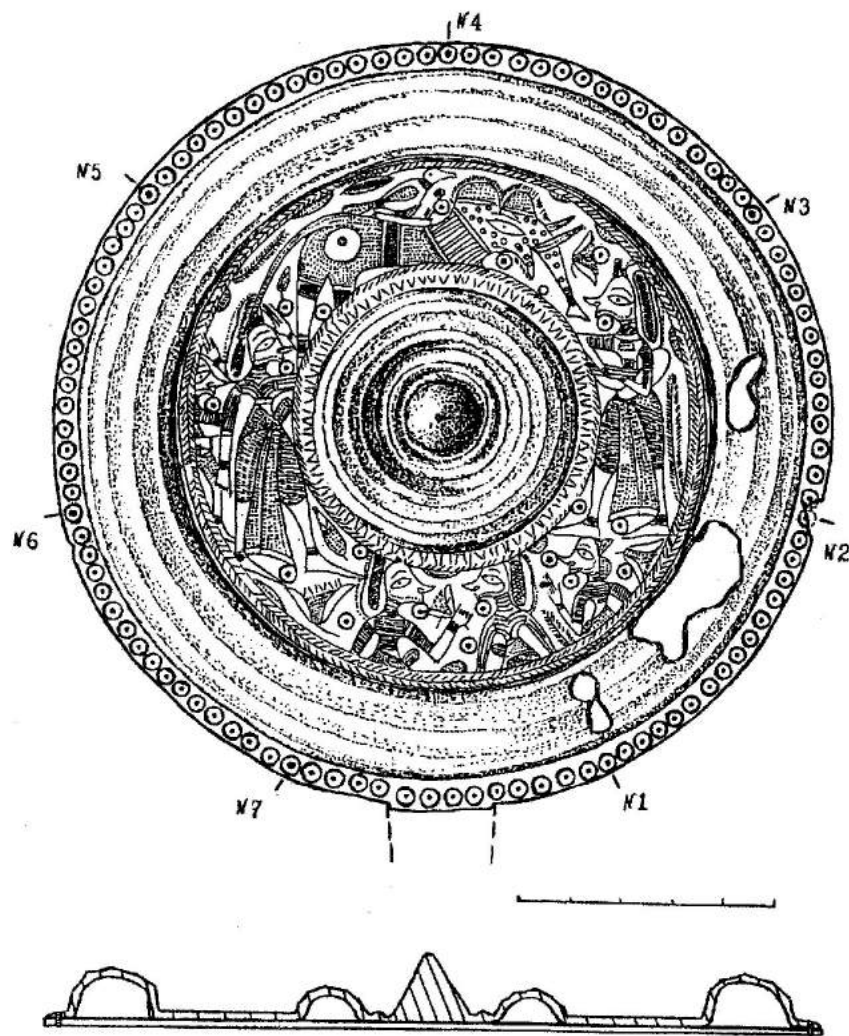

Рис. 12. Могильник Рогозиха-1. Зеркало из могилы 1 кургана № 5.

Рис. 13. Могильник Рогозиха-1. Изображения на зеркале из могилы 1 кургана № 5.

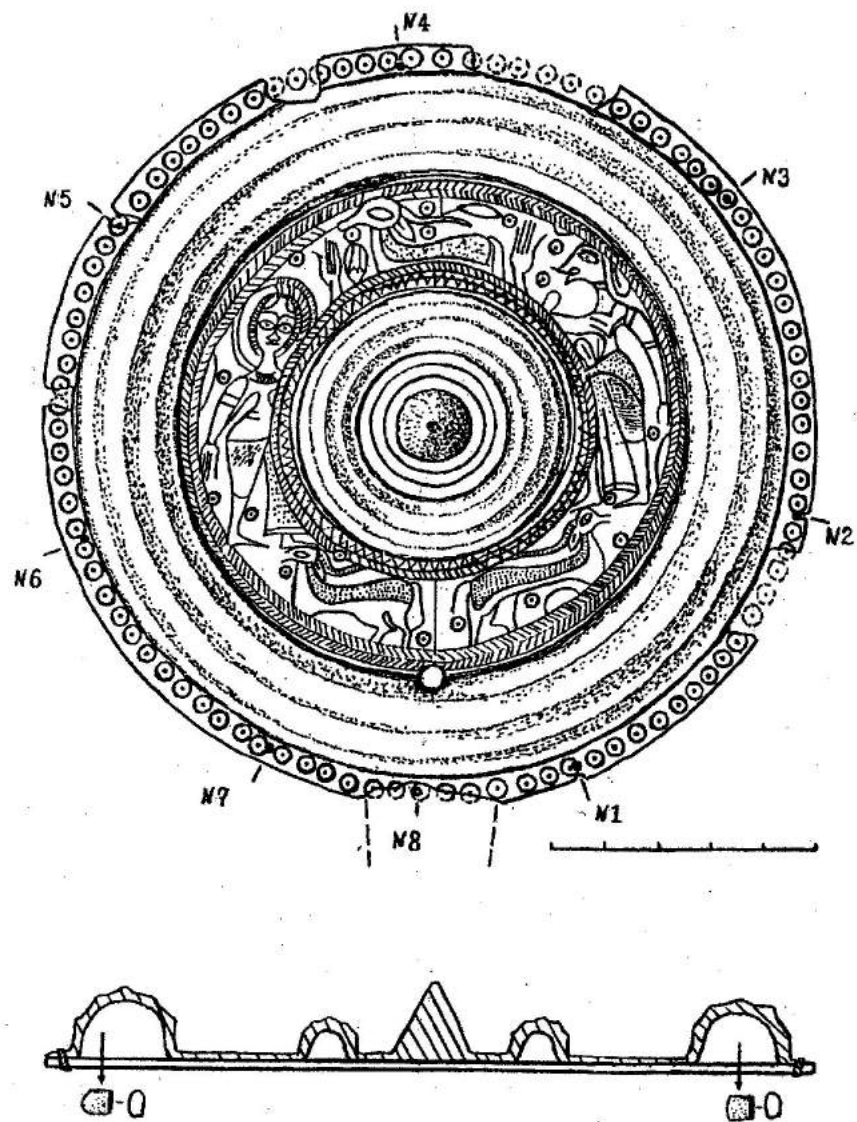

Рис. 14. Могильник Локоть-4. Зеркало из погребения 4а кургана № 1.

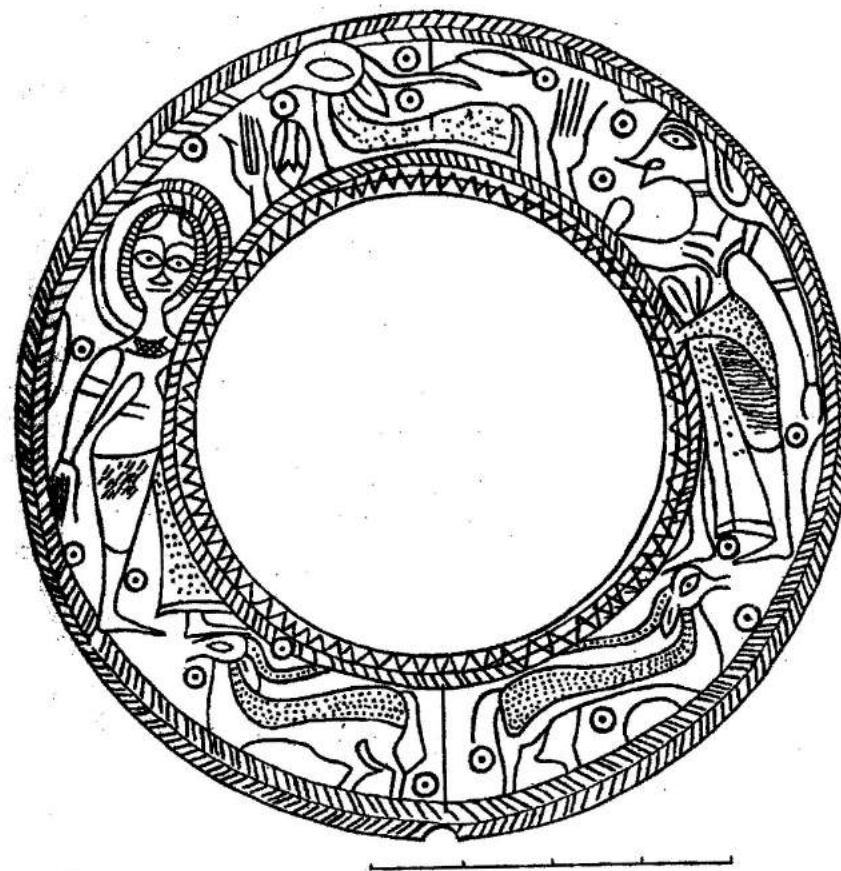

Рис. 15. Могильник Локоть-4. Изображения на зеркале из погребения 4а кургана № 1.